СВИДЕТЕЛЬ

Я не участник той страшной
Войны (Великой Отечественной)
Я только её Свидетель...

Василий Гурковский

В виде пролога:

В этом году мы празднуем 70-летие со дня окончания Великой Отечественной Войны (1941-1945 г.г.). Семь десятилетий наша страна живет мирной жизнью по большому счету. По большому, потому, что за этот период прошло довольно много локальных войн, на различных континентах и в разных странах – Азии, Африки, Европы, Южной и Латинской Америк. Практически в большинстве из них, принимала участие (прямо или косвенно), наша страна, раньше СССР, а потом и Россия. Естественно, мы несли потери различной тяжести и в этих войнах, но, даже все вместе взятые, они не идут ни в какое сравнение с той Великой Войной.

О войне (той, Великой), столько уже написано, рассказано, снято различных фильмов и проведено исследований, что, казалось бы – уже все знакомо, ясно и понятно, разложено по полкам и т.д. Но нет, чем дальше уходит то время, тем больше люди мысленно возвращаются к нему. Одни с благодарностью, другие – со страхом, третьи - с надеждой, что такое больше не повторится, четвертые – мечтают о реваншах и провоцируют мир на новую войну, прекрасно понимая, что та война станет ПОСЛЕДНЕЙ для всех, в том числе и для них, пятые (проплаченные кем-то - и чужие, и чуждые - наши), пытаются по своему пересмотреть итоги Войны, как правило, подтасовывая и открыто перевирая факты, чтобы перенести все беды, принесенные ею, с больной головы на здоровую. Особенно стараются высказывать свои «мнения» те, кто родился через десятки лет после войны и, которые понятия о ней не имеют, а пользуются «материалами и

документами» написанными до них, такими же, как они, или просто работают по заготовленным кем-то заинтересованным, искажающим саму суть истории, материалам.

У каждого, кто прошел или застал то время, была своя война, в конкретном месте, в конкретное время и в конкретных действиях, на разных уровнях и при разных обстоятельствах и возможностях. Именно совокупность миллионов таких индивидуальных «войн» и есть - та, наша общая Война. Каждый видел и ощущал все её события – трагические и радостные, через призму личного к ней причастия... Поэтому и я вношу свою посильную лепту в общую копилку памяти о том Великом Времени, просто как подборку фотографий с натуры, вырванных из общего военного альбома. Здесь – ни убавить, ни прибавить, тем более, при многих живых поныне, таких же, как я, свидетелей...

У нашей семьи есть все основания считать себя и свидетелями Войны (мы с женой родились до Войны), и Дети́ми Войны, по той же причине, и наследниками Победителей в той Войне. Мой дед – Гурковский Гавриил Логинович, был пулеметчиком в первую мировую и в Гражданскую войнах, и так же был пулеметчиком во время Великой Отечественной Войны. Из-за тяжелых ранений не дожил до пенсии. Неоднократно был награжден и царской, и советской, властями...

Отец – Гурковский Андрей Гаврилович, призвался в армию во время финской войны, прошел от начала до конца войну с фашистской Германией, после Восточной Пруссии был направлен на войну с Японией и вернулся домой только в мае 1946 года, через шесть лет после призыва в армию. Был неоднократно ранен и контужен. Имел 9 боевых наград и Орден Трудового Красного Знамени, за работу в народном хозяйстве после войны.

Отец моей жены – Калашников Иван Емельянович, участник Гражданской войны, кавалерист, бился с басмачами в 1918-20 годах. В начале Великой отечественной Войны, в составе 212-й стрелковой дивизии, образованной в г. Актюбинске, участвовал в боях по защите Москвы на Юго-Западном

направлении. За два месяца в жестоких неравных боях, дивизия почти полностью полегла смертью храбрых, а боец Калашников получил тяжелейшее ранение и с трудом выжил. После войны он 25 лет руководил тракторной бригадой в колхозе.

Мне лично довелось пережить три года фашистской оккупации и видеть, как саму войну в натуре, так и её последствия...

Так что я выступаю, как свидетель от всех нас сразу: Что-то сам видел, что-то от родных досталось, но главное – это истинно свидетельские показания от первого лица. Себя ведь и захочешь - не обманешь. Похожая судьба была и у моих сверстников, с возрастным разбросом в 5-10 лет.

Свидетелями той Войны, были и миллионы её непосредственных участников, и миллионы тех, кто её видел, но в ней не участвовал. О войне много написано и рассказано. Много есть всевозможных архивных данных, но у тех, кто её видел, осталось что-то своё, личное, её понимание и отношение к ней, которого ни в одном архиве не найдешь.

Я просто скажу то, что знаю, и не более того. И если где-то с 1944 года, уже сам помню большинство наиболее запоминающихся фактов, то первые годы фашистской оккупации, помню что-то отрывками, поэтому добавляю все из устного архива семьи. Может быть не всем это будет интересно, но – что было – то было, а там, как говорится, на любителя. Я не журналист, и не выдаю сенсаций. Я - Свидетель. И то, что расскажу, пусть пойдет, как обвинение захватчикам и в назидание потомкам...

Война в Слободзею, пришла в начале августа сорок первого года. Полтора месяца наши войска, сдерживали наступление фашистов от границы СССР по реке Прут, до Днестра, а потом отступили к Одессе.

Противник практически обошел с севера Тираспольский укрепрайон, форсировал Днестр и оккупировал Приднестровье . Нам, жителям села

Слободзеи, большие военные операции были неведомы, но уже в начале августа, в селе были румынские войска. Румыны закрепились надолго и пробыли у нас почти три года. Судьбе было угодно познакомить нас (семью нашу) с двумя разновидностями оккупантов, - и румынами, и немцами, но об этом попозже.

Обстоятельства сложились так, что часть наших войск, находящихся в Слободзейском регионе, чтобы не быть отрезанными от основных сил нашей армии или окруженными прорвавшимся через Днестр мощной немецко-румынской военной группировкой, была вынуждена срочно покинуть район и отступить в сторону Одессы. Немцы стремились обойти город с севера и востока, готовились крупными силами преодолеть сопротивление наших войск и занять Одессу. Там начиналась 73 –х дневная эпопея Одесской обороны, но это совсем другая тема. А в Слободзее (так получилось) , на несколько дней установилось безвластие – ни наших, ни фашистов. Население, а в Слободзее его хватало и в то время, затаилось. Те, кто подлежал мобилизации – ушел с нашей армией, остались - дети, подростки, женщины и мужики непризывного возраста. Когда поняли, что наши ушли и неизвестно, когда вернуться, а фашистов пока нет- то, как бывает в таких неопределенных моментах – начали просто грабить то, что было общественно-государственное. Кто-то бросил провокационный клич – Разбирайте, чтобы не досталось врагам!- ну и многие ринулись «разбирать»...

Хватали все подряд, что надо и не надо. Магазины, пекарни, склады, мастерские. Здесь- главное было – успеть! Особенно досталось в этом плане Слободзейской войсковой части... Там было что брать – от кроватей-постелей и до складов с имуществом и продовольствием. Военные многое увезли с собой, но ещё больше – не смогли увезти... За других я не знаю, но два моих дяди, младший брат матери и его двоюродный брат (14 и 16 лет) тоже поучаствовали в этом процессе: успели сделать всего два рейса. За первым разом принесли домой по два противогаза, где-то закопали со страху и так

до конца жизни и не нашли; вторым рейсом притащили домой огромное зеркало. Нашли его в кустах, видно у кого-то не хватило сил его забрать. Зеркало было шикарное, где-то с царских времен, толщиной миллиметров в 10 и в такой ажурной посеребренной оправе. Тяжеленное и на всю стену, от пола - до потолка...Наш сосед через дорогу, дед Максим, на ручной тележке, тоже успел сделать два рейса и привез в дом восемь или десять мешков офицерских галет (сухарей), думал им с женой на всю войну хватит...Но оказалось то были не сухари, а дрожжи...В сырой комнате, они начали разбухать, разрывать мешки, а позже из них полезли черви...

Все это было прелюдией к будущей нашей жизни при оккупации. Дольше всего люди грабили винные склады, на винном пункте. Любители выпить там отоваривались по «полной» программе. Они сперва, напивались до предела, потом набирали в посуду и уносили с собой. Там их и застали вошедшие в село новые «хозяева»- румыны. Они с большим трудом освободили винные склады от «любителей – грабителей», стоявших уже по колена в вине, при этом им пришлось даже стрелять по бочкам...

Мой прадед Еремей, когда наши войска ушли, перешел жить в свой дом, который у него отняли при «раскулачивании» в 1929 году и устроили там колхоз им. Молотова. Приходя к нам, рассказывал, что, как только румыны вступили на территорию колхоза, первым делом обшарили продовольственный склад, наскребли там пару ведер кукурузной муки; тут же в большом котле сварили традиционную мамалыгу (густая такая каша), сняли колхозные ворота, вывалили на них ту мамалыгу, а потом всем подразделением, общипывали её ладонями и с радостью ели, запивая из фляжек водой от стоящего рядом колодца. Все это как бы говорило: - мы пришли и – надолго...

С этого времени в селе началась новая жизнь. В то время официально существовало как бы две Слободзеи - русская часть и молдавская часть. Со своими отдельными управленческими органами, церквями, рынками, почтовыми отделениями и т.п. Румыны очень оперативно создали местные органы

власти, может они их и раньше подготовили – не знаю. Вместо сельского совета у нас на русской части, появилась «примария», а в качестве «главы сельской администрации» – Примарь – неказистый такой, сухощавый, молодой ещё военный, но супер активный. Звали его «Петря», наши люди за глаза, называли его «Петрика», скорее всего за маленький рост. Официально – «домнул(господин) примар» и никак иначе. Иначе скажешь – значит, будешь побит плеткой. Был у него всегда под рукой этот инструмент, кожаная сплетенная плеть, с шариком на конце. Без неё примарь не ходил по селу, никогда...И использовал десятки раз в день, по поводу и без повода...И без разбора - старик перед ним или ребенок, прав или виноват...Все мы были только виноваты...Более полную Характеристику этого «героя», можно прочитать в материале «Примарь», как приложение к данной книге. Он не знал русского языка и за почти три года, не выучил ни одного русского слова, из принципа. Может и выучил, но не пользовался русскими словами. Зато он привез с собой где-то из-под Кишинева, бугаеподобного мужика с украинской фамилией, то ли украинского молдованина, то ли молдавского украинца, свободно владеющего тремя языками – румынским, русским и украинским. Сделал его старостой на русской части села, то есть правой рукой в своей епархии. Если сам примарь был жестоким властелином в селе и в полной мере пользовался этим правом, так как за ним стояла королевская Румыния, законы военного времени, официальный румынский курс на колонизацию так называемой Транснистрии (Заднестровья, территории между Днестром и Южным Бугом), отданной Гитлером под административное и хозяйственное управление Румынии и дальнейшее «выселение» (читай уничтожение) «чуженационалов», то староста был просто бандитом, люто ненавидящий не только все советское, но и всех проживающих в селе людей...Не знаю, может он был когда-то наказан властью или людьми, но он всех нас, готов был уничтожить, но перед этим, еще и обобрать.

Судьбе было угодно, чтобы пути именно нашей семьи, ничем не примечательной, пересеклись по жизни с этим зверем, а потом пересекаться с

ним ещё много раз... Новая румынская администрация решила заставить население работать, чтобы хоть частично возместить понесенные потери Румынией в начавшейся войне. Был издан приказ о трудовой повинности, согласно которому, лица от 16 до 60 лет, должны были работать...Прошли переписи трудовых ресурсов, обошли каждый двор и всех трудоспособных поставили на учет...И вот здесь случилось то, что случилось. Староста увидел мою маму: молодая, красивая, 9 классов образования и решил взять её к себе на работу, в примарию. Договорился с примарем. Бабушка, мать моей мамы, быстро собрала кое-какие вещи, и мама ночью ушла в Одессу. Пешком. Двое дядей её сопровождали. Тогда еще можно было пробраться в город без особых проблем, тем более женщине с детьми. Пацаны, через двое суток вернулись, а мама так и скрывалась у родственников в Одессе, пока не пришли наши, весной 1944года.

Через некоторое время, к нам в дом буквально вломился староста с двумя румынскими жандармами и начал кричать:-«Почему твоя дочь не выходит на работу в примарию!?» Бабушка ответила, что дочка, как узнала, что её хотят взять на работу румыны – сразу ушла из дома –куда неизвестно. Как ни измывался над ней староста – так ничего и не добился. Уходя, он пообещал нам устроить «веселую жизнь»...И слово свое сдержал...

Потом, пришли румынские солдаты и застрелили нашу привязанную на цепи собаку, на второй день, пока мы были на огороде, со двора увели дойную козу. Бабушка ходила к старосте, просила, мол, и так кушать нечего, а у нас маленький ребенок, хоть литр молока в день и то жизнь. Староста только смеялся и отсылал её к румынам – иди мол, спроси у них, только они давно твою козу съели...Потом переловили наших кур... В селе были установлены подворовые очереди на транспортные работы. Людям выпадало раз в неделю или в месяц, за чем-то ездить, что-то возить-грузить, а моих дядей посылали в поездки по два раза в неделю или раз, если далеко. В 1941 году, они, на волах с повозками, несколько недель собирали и свозили трупы румынских солдат на всем их пути от Днестра - до Одессы, и у самой Одессы. Их там столько наложили наши, что можно было бы, наверное, половину Румынии

ими застелить. Потом - расстреливали евреев и коммунистов - собирали тела в большие ямы, засыпали землей, пересыпали хлорной известью... Дяди рассказывали, что местами земля ходила волнами – многих живьем бросали в те, огромные ямы. Так вот на все такие страшные и неприятные работы, староста старался послать моих дядей. Какие там «Дяди»! Одному 16, другому 14 лет! Иногда ночью он выставял засады у нашего дома, надеясь, что мама придет проведать. Не дождался...

Постепенно жизнь в селе вошла в какой-то тыловой ритм. Фронт был далеко, на Волге. Мы ничего не знали, где, что и как. Никто нам ничего не сообщал, а внешней информации не было.

На первый Новый год в оккупации (1942), скорее всего, это было католическое Рождество, из волости приехала группа немецких солдат, спилили во дворе, где жил примарь, дерево туи, установили на стадионе возле украинской школы (примарь как раз и жил возле этой школы , в угловом доме и , наверное , был инициатором того торжества), что-то вроде ёлки, навесили на неё конфет, разноцветных бумажек, обложили соломой вместо снега. До вечера поставили часового, а с наступлением темноты, устроили себе Рождество, пели, плясали, даже стреляли... Потом подожгли солому и на машине уехали. Наблюдавшие за всем этим «празднеством» наши пацаны, бросились к «Елке» за конфетами... И тут началась беспорядочная стрельба. Немцы положили в солому под елку, несколько десятков патронов в пулеметных лентах и, когда солома загорелась – патроны начали взрываться. Слава Богу, всего двое ребят были ранены, остальные в испуге -- разбежались...Кто-то видел, что немцы недалеко отъехали, стояли в переулке и наблюдали все последствия, вдоволь насмеялись , только потом - уехали...

С девяти вечера, да шести утра, в селе был установлен комендантский час. Без спецпропуска, ходить было запрещено. Ну, у нас какие могли быть пропуска!? Да и ходить чего было по ночам? Ну, конечно, если кому-то было надо,...то ходили. Румыны патрулировали по двое; темень, грязь,

никаких там у них фонарей тоже не было. Как-то раз, еще в первый год оккупации, - идет патруль, а у деда Сергея (наш сосед, через дом) куры спали (гнездились) во дворе, на вишневом дереве. Ну куры как – спокойно сидеть не могут -ко-ко-ко, да ко-ко-ко. А тут – патруль, двое солдат с винтовками. Услышали, что куры где-то рядом – подошли. На улице – абсолютная темень. Румыны поставили винтовки под стеной и, чтобы было меньше шума, один стал другому на плечи и давай тем курам шею сворачивать. Закончили, собрали курей и ушли... Уже в конце улицы кинулись - а где винтовки!? Вернулся один из них назад – а винтовок –нет! Обшарил всю стену –нет! Отнесли курей к себе, взяли керосиновый фонарь, опять пошли к тому месту, обыскали весь дом снаружи – нету!...

На другой день, где-то к обеду, эти горе-патрули, пришли к деду Сергею домой, принесли трехлитровый бутыль вина и вареную курицу (из тех, что вчера у него реквизировали). Дед Сергей был опытный человек, старый солдат, воевал еще в японскую кампанию (1904 года), был даже вахмистром...Уже много лет подряд, он вечерами всегда выходил в палисадник, садился на глиняную завалинку с торцевой стороны дома, выходящей на улицу, и там почти всю ночь сидел, наблюдая за уличной жизнью. Он многое мог бы рассказать о ночной жизни села, но ни с кем никогда этим не делился, по причине того, что был не то не многословен, а скорее – малословен. Это именно о нем рассказала еще до войны его жена, как он приехал из Одессы, без ничего и, как ни в чем ни бывало, заявил ей (жене) : « Ты знаешь, - От наш кум дурак, тилькы приехав на Прывоз, у нього зразу волю вкралы...А в мэнэ, - аж пид вэчер!»...Так вот из него, каждое слово надо было буквально выжимать...И в тот вечер, когда румыны «реквизировали» его курей, он тоже сидел на завалинке, все видел и слышал...Когда воры ушли, он забрал их винтовки, образца времен наполеоновской армии и спрятал так, что никто об этом не узнал, пока наши не вернулись в село...

А на другой день, дед, конечно, ждал «гостей». Он сказался больным, укрылся стеганым одеялом, распарился и покраснелся. Жена побрызгала на

него водой для пущей достоверности, и дед встретил вчерашних патрулей достаточно больным видом. Жили они вдвоем с бабкой, детей у них не было. Когда румыны пришли в дом, их встретила хозяйка, с трудом объяснила по-молдавски, что дед, мол, неделю лежит в постели, весь горит, наверное у него малярия или тиф, которыми он уже болел когда-то, и показала им больного в кровати. Услышав про малярию и тиф, солдаты пулей вылетели из дома, но спросили хозяйку – не видела ли она винтовок во дворе. Слова «Мошул» (дед) и «Пушка» (ружье) никакого действия на бабку не возымели, ибо она действительно ничего не знала. Румыны, для порядка, еще раз осмотрели весь двор и огород, понятно, что ничего не нашли. Соседей тревожить не стали, чтобы не предавать скандал огласке. Так и ушли с вином и курицей. Через несколько дней, через других патрулей, стало известно, что тех любителей курятины, на второй день арестовала румынская жандармерия, а потом их пытали в гестапо и –расстреляли,- за утерю или передачу врагам, личного оружия в военное время... Война есть война... Почему именно гестапо? Дело в том, что внешне управление в так называемой Транснистрии, вроде бы находилась в руках румынских властей, но, начиная уже с волости и выше, параллельно работали германские органы –СС, гестапо и т.п. Они не занимались экономическими и хозяйственными вопросами региона. Они выполняли надзирательно- контрольно-карательные функции с тем, чтобы их младшие друзья - румыны, не допускали каких либо стратегических(политических, военных и т.п.) ошибок.

Отличий румын от немцев (имеется в виду, армейские, военные отличия) было много. Даже внешних. Если у немцев была современная, по тем временам экипировка солдат, современные танки, орудия и минометы, машины пехоты, самолеты, стрелковое оружие, средства защиты и наблюдения, то у румын были пушки образца начала века или прошлого столетия, таскали их по полям сражений воле...А огромные винтовки столетней давности, больше сковывали движения солдат, чем помогали в бою. Мотивация к Войне пропала у румын уже в первые три месяца после её начала. В это время, руками германских войск, пристроившись к ним в

помощники, Румыния получила Бессарабию и «Заднепровье» до реки Южный Буг, то есть получила все, что можно было ей «выторговать» по максимуму у Гитлера, и на этом её мотивация закончилась, можно было и выходить из войны, так как больше румынам ничего не светило, в плане расширения королевства. Даже то, что они получили по территории, включая Одессу, было только в головах румын, а не немцев. Румыния шла в атаку на Советский Союз, двумя «волнами», первый раз под Одессой, где потеряла почти половину своей 300-тысячной армии, второй раз – под Сталинградом в 1942 году, где её войска были разбиты окончательно. Счастье румын было в том, что они успели в конце войны «спрыгнуть с гитлеровского поезда, несущегося в пропасть» и выступить на стороне СССР, против Гитлера... Во время войны по Слободзее гуляла частушка:

Антонеску дал приказ, -

Всем румынам – на Кавказ.

А румыны - ласэ, ласэ (ладно, ладно)

Ла каруца, ши – акасэ (на повозку – и домой).

И припев: А румын – он не дурной -,

Ноги в руки и – домой!

Эта небольшая песенка, как нельзя лучше отражала желание рядовых румын, воевать вместе с немцами против России...

Особое отличие румынских солдат от немецких - была их ментальность. Немецкий солдат никогда и ничего на нашей территории не воровал... Он все забирал, как свое, мог при этом быть жестоким, убить любого, но он даже не думал, что он ворует. Он считал, повторяю, что брал «свое»...положенное ему...

У румын воровство – болезнь, я говорю о военном времени. Что днем во дворе увидят – ночью обязательно своруют, какую-то тряпку, рубашку, брюки, лопату, грабли, молоток, да что угодно...Мои дяди за войну подросли и специально издевались над ночными ворами –положат, к примеру, топор во

дворе, исправный, а вечером заменят на разбитый – все равно унесут... Думаю, это не проходит со временем... Уже через много лет, въезжая в Румынию, на погранично-таможенных постах, проводники российских поездов всегда прятали от «проверяющих» мыло, полотенца, туалетную бумагу – потому, что все это и ему подобное, обязательно исчезало после проверок и досмотров на румынских границах... Менталитет, что ли такой... простите, но это так и было!

За три года оккупации, наши люди хорошо усвоили, что румынские солдаты и чиновники, - ленивые, жадные, продажные и завистливые. Они завидовали немецким военным, которые по ротации, появлялись у нас или были на лечении. Завидовали тому, что немцы, наступая и занимая новые территории, постоянно грабили и наживались, посылали регулярно домой дорогие посылки, а здесь в Приднестровье, у них (румын) не было никакого «навару», что с нищих возьмешь!? А поехать куда-то они не имели ни права, ни возможности – за переход условной границы в Бессарабию – тюрьма, за переход границы через Южный Буг – расстрел... Отсутствие мотивации, они возмещали на людях. Убивать без суда, им запрещалось, так как надо было кому-то работать и не только кормить армию, но давать какие-то доходы, поэтому они разряжались тем, что били... Били людей при выгоне на работу, били на самой работе и после неё. Но, видимо, подспудное чувство без исходности, особенно после Сталинграда, постепенно охлаждало их служебное рвение, бить стали меньше и не так рьяно, а в конце – совсем перестали, когда поняли, что просчитались с друзьями. Да и сами немецкие «друзья» постепенно перестали их считать за партнеров, даже младших...

Было и ещё несколько отличий между оккупантами румынами и немцами – румыны с первых дней считали, что они пришли «домой», это теперь их земля. Они будут здесь расселяться, постепенно «выселяя» нас, здесь веками живущих. Места в Приднестровье прекрасные – земля богатая, вода, тепло. Они надеялись стать здесь настоящими хозяевами. В то же время немцы, эту, да и другие наши земли, своими не считали. Для них наши места были обычными «проходными», для продвижения к другим целям. Они были не

хозяевами по сути, а просто захватчиками. А что будет потом, кто и как будет здесь жить, их мало интересовало...Как говорилось: «Я – солдат и в политике не разбираюсь». И ещё – наши люди за время оккупации – убедились, с румынскими военными можно «договориться», с немцами – нет.

Интересным был расклад внутриармейской структуры. В германской армии, при всей её педантичности, порядке и исполнительности, отношения между рядовыми, сержантским и младшим офицерским составом, были более демократичными, чем в той же румынской армии, где разница между рядовым солдатом и даже нижним офицерским чином, была очень велика. Может быть, здесь играла свою роль «монархичность» всего жизненного румынского уклада, в том числе военного, не знаю. Но любой королевский офицер румынской армии – это прямо-таки сноб, с показным понтом, за которым на почтительном расстоянии следует ординарец, с зонтом, коробкой сигар и набором носовых платков...Толку с него, как с военного - Нуль, как показала практика румынских военных действий, а наигранного гонора – хватило бы и на маршала. Это у нас лейтенант может попросить закурить у солдата, а у румын – не дай этого Бог! Кошунство! Этим румынские офицеры тоже очень невыгодно отличались от немецких. Конечно, люди бывают разные, но стиль не скроешь...

Уже более двух лет мы жили «под румынами». Вроде бы и староста оставил нас в покое. Нашу улицу, после того случая с курами и расстрелом румынских солдат, румыны и их начальники, считали каким-то страшным местом и откровенно боялись на неё заходить...

Но, где-то в зиму с 1943 на 1944 год, в нашем доме опять появился тот ненавистный староста. Он привел с собой трех немцев, квартирантов. Казалось бы, откуда у нас, на русской части Слободзеи, немцы? Представители немецких спецслужб находились в волости, на молдавской части села и жильем были обеспечены...Позже выяснилось, что одна войсковая часть, потрепанная в боях на Украине, была выведена на переформирование в тыл и какое-то её подразделение расположилось в

Слободзее. От нашего дома, до территории войсковой части, было где-то около километра, вот староста и нашел очередной способ третировать нас, но уже немецкими постояльцами. Немцы –не румыны, они тут же показали, кто в доме хозяева, а кто постояльцы... Сразу заняли две большие жилые комнаты, оставив нам на четырех, небольшую кухню. За два с половиной года нахождения на нашей земле, они (особенно самый молодой, Пауль) довольно неплохо научились говорить на русско-украинском наречии, и, с первого раза, объяснили, что оставляют нас жить рядом с ними, но под страхом смерти: - мы не имеем права заходить в их комнаты, не имеем права обращаться к ним по любому поводу. Мы должны мыть им сапоги, убирать при них комнату, если они позовут, топить плитку, чтобы у них было тепло в одной комнате (вторая – не отапливалась) и вообще делать все то, что они скажут. Пищу готовить им не надо, они едят в своей столовой, а для ужина и завтрака –у них есть сухой паек, консервы, спиртовки для разогрева и т.п.. Если в доме будет холодно, мы будем ночевать на улице. Так как топить у нас было нечем, мы собирали сухую траву, сушили и тем топили, квартиранты приносили артиллерийский порох в ящиках, такие толстые на вид как свечи, заряды. Горели они хорошо и дядям моим, приходилось перед приходом «хозяев», каждый вечер подолгу жечь эти «свечи», чтобы обогреть их комнату. Порох не держал тепло, пришлось квартирантам привозить ещё и древесный уголь с пекарни. Они были унтер –офицеры, в небольших чинах. Старший по возрасту был начальником полевой пекарни, звали его Людвиг. Он был внешне, как персонаж из наших военных фильмов о войне: Высокий, худой, рыжий, с торчащими волосами, горбатым носом и ... в очках. Без всякого грима мог бы играть роли немцев в любом нашем фильме. Вторым был заведующим каким-то складом, звали его Карл. Он сразу занял чем-то наш домашний подвал под летней кухней, повесил на дверь огромный замок и по ночам там стоял часовой. Человек он был внешне грубый и нелюдимый. Третьим был молодой унтер, не старше 20-ти лет, тот самый Пауль, он командовал группой охраны объектов, которыми заведовали его коллеги. Внешние характеристики оккупантов – ничего не дают, а вот «внутренние»...сразу показали их

отношение к нам, даже не как к русским, а вообще к людям, которые не из их среды. Даже два с половиной года нахождения на нашей территории, не приблизило их к нам, просто как людей к людям, даже наоборот, предчувствуя надвигающийся крах гитлеровской затеи по порабощению России, еще больше отдалил их от нас и озлобил. Мы стали ещё больше виноваты, что не сдались, что погнали их от Волги на запад, да и вообще за то, что на свете есть, такие непонятные люди, как русские. Всем своим продвинутым интеллигентным существом, они просто старались нас не замечать, как будто нас и нет вовсе....Ночью - выходить на улицу, было запрещено. Для туалетных нужд – у них стояло ведро в коридоре, у нас - горшок на кухне. Но, так как в коридоре было холодно и темно, квартиранты по ночам справляли свои надобности, простите, у нас на кухне, где было потеплее, и горела лампадка у иконы. Заходили на кухню абсолютно нагими, независимо был кто-то там или нет, бабушка наша, или мои дяди. Когда бабушка подметала у них пол или вытирала пыль - они тоже ходили нагими по комнате! Какое там стеснение у вроде бы цивилизованных офицеров «великой Германии»! Они нас не замечали. Внутренне, бессознательно, как окружающую мебель. Но очень быстро замечали, если что-то делалось не по-ихнему, сапоги не блестят или машина не так помыта (у заведующего пекарней была рабочая машина, небольшой такой крытый фургон, она стояла у нас во дворе, пока они были дома), или еще что-нибудь. Чаше всех хватался за пистолет нелюдимый Карл. Когда они выезжали на работу, дяди мои были обязаны открывать ворота и прочищать проезд. Ну, как-то - раскрыли ворота и стоят, ждут. В это время подъезжает на конной двуколке наш староста. Сразу опоясав старшего из дядей –Федю, кнутом, староста заорал : « Вы, скоты, почему не выходите на работу?»- и поднял кнут уже на второго дядю –Мишу...И как раз в это время, немцы выезжали из ворот...За рулем сидел Людвиг, справа – спереди –Карл. Увидев разбушевавшегося старосту, Карл, не выходя из машины, приоткрыл дверь , поманил пальцем к себе старосту , открыл кобуру пистолета и сказал как мог:» Слюшат...ду..швайн. Он рапотать сдесь. Мне...Ферштейн?». Староста сперва сполз с брочки, с перепугу , что-то бормотал и согласно кивал, а

потом они разъехались – машина вправо, двуколка влево. Староста понял, наверное, какую он допустил глупость – приведя квартирантов в наш дом, чтобы сделать нам пакость, в итоге – потерял двух молодых здоровых работников и, как оказалось, - навсегда.

Как люди просвещенные, квартиранты имели свои, пусть и мелкие, но традиции. Врожденные и приобретенные. Из приобретенных, на первом месте было вино. Чувствуя скорое невеселое будущее – они пили...пили, ежедневно и по многу (для немцев). Привозили с собой местное вино, ставили на плиту грушевидный казан на несколько литров, добавляли сахар, кипятили, а потом пили. Кипяченое вино, с сахаром, действовало на них быстро и эффективно. Зимние ночи длинные, делать практически им было нечего, поэтому они дико развлекались, чем могли. Пауль играл на губной гармонике, остальные двое кричали какие-то песни, а в конце, и всегда, они начинали...стрелять. Стреляли из пистолетов, на спор, - в мух, пауков, вшей на своих рубашках, развешивая их за рукава на гвоздях. Это было конечно шумно, страшно, но к этому мы как-то привыкли, а вот когда они специально «работали» на нас, это было действительно страшно. Мы, спали на печке, все четверо - бабушка, я, и двое дядей, один, младший, Михаил был родной брат моей матери, то есть бабушкин сын, второй, Федор, был бабушкин племянник, сын её старшего брата, Фомы, который был репрессирован и за своего отца, раскулаченного в 1929-м, с 1930 года пилил лес в северных лагерях, как политический и вернулся в Слободзею, через год после войны, в 1946 году. На печке было тепло и как-то мы там умещались. Торцевая стена, отделяющая печь от комнаты, где жили квартиранты, была всего в полкирпича и еще имела маленькое оконце в их комнату, размером в кирпич, заткнутое подушкой. Так вот немцам нравилось стрелять именно под потолок, рядом с той стенкой. Они хвалились друг перед другом точностью попаданий в угол-стык между потолком и кирпичной стенкой. Это была ежедневная пытка. Тонкая стенка тряслась от выстрелов с малого расстояния. Вся их комната была в сотнях дырок от пуль, на стенах и потолке. Один раз срикошетившая пуля разбила то огромное зеркало, что дяди притащили

из войсковой части. После таких пьяных стрельб, мы иногда до утра не смогли заснуть. И никуда не уйдешь – дверь входную они запирали на висячий замок изнутри. А трогать такую обезумевшую от вина и ситуации, «компанию» было невозможно. А главное, они знали, как мы себя чувствовали во время этих оргий, но это их только подзадоривало...И жаловаться некому – вся власть кругом –чужая, мало того, -вражеская...Хоть румынская- хоть немецкая.

Из «врожденных» традиций, на первом месте была охота. По субботам, они набирали с собой вина и консервов , забирали в качестве гончих собак моих обоих дядей и отправлялись к постоянному месту охоты – территорию между нашим селом Слободзея и соседним – Чобручи. От села до села - где-то около двух километров, вся эта территория раньше, минимум дважды в год заливалась Днестром, разливающимся весной в половодье и летом, при таянии снегов в Карпатах. За время войны , вся площадь заросла различной травой, местами в рост человека и передвигаться по ней, было не так просто. А чужеземные охотники никуда и не передвигались. Они со стороны Слободзеи выбирали подходящие места с определенным сектором обстрела, посылали своих гончих «собак» в виде моих дядей - в загон. Технология была проста : Миша и Федя заходили со стороны Чобруч и шли в сторону Слободзеи, держась друг от друга на определенном расстоянии и своим «лаем», криками и ударами палок, шли в сторону охотников, загоняя дичь. В то время по зарослям прятались зайцы, лисы и даже иногда – волки. Дичи было не так много, но она была...При всей простоте этой охотничьей операции, по сути она была похожа на атаку, безоружных ребят на вооруженных тремя пистолетами немецких офицеров. Ни охотники, ни загонщики друг друга не видели из-за стоявшего стеной сухого бурьяна. Все ориентиры были по звукам и по виду попадавшейся на пути дичи...

Пока загонщики шли от Чобруч и шумели, охотники пили и закусывали, рассказывая, как обычно в таких случаях, различные охотничьи истории и небылицы. Но так как расстояние от них до загонщиков было немалое, а путь по бурьяну нелегким, то времени у охотников хватало и напиться, и

наговориться...По мере приближения загонщиков к месту засады, немцы рассредоточивались на оговоренные расстояния по фронту и...ждали. А при появлении дичи или каких-то других причин, - начинали беспорядочную стрельбу. Их вовсе не волновало, как себя в это время чувствуют загонщики и что с ними может быть. Дядя Миша рассказывал, что когда подходили на опасное расстояние и немцы начинали стрелять, они (ребята) просто падали в какое-нибудь углубление, прижимались к земле, продолжая кричать, больше от страха. Потом приспособились делать короткие перебежки, пока охотники перезаряжали оружие, потом еще придумывали какие-нибудь хитрости, зная, в каком состоянии те находятся...

Иногда попадались зайцы, даже было за зиму несколько лис. О, сколько было шумной радости! Трофеи цеплялись на ремни, их с гордостью несли домой, обязательно фотографировались на их фоне, а уже потом – закапывали все принесенное на огороде. Дичи они не ели, боялись болезней и нам кушать не разрешали. После удачной (да собственно, после любой) охоты – обязательно следовала пьянка, но без стрельбы в доме, видимо, надоедало стрелять за день...А наших «загонщиков» по субботам трясло всю ночь от пережитого.

Пауль рассказывал, почему они ходят на охоту и в любую погоду. Их гонит самый старший, Людвиг. Он любитель, но сам ходить боится, и заставляет за компанию ходить всех... У его отца, в Германии, под Гамбургом, есть свои собственные охотничьи угодья, с множеством дичи, имеется большое количество охотничьего оружия и приспособлений, вот он и тоскует по этому. А ружей иметь на службе не положено, война все-таки, поэтому используют то, что есть. А какая охота с пистолетом! Но даже вроде бы не такой агрессивный, как его старшие товарищи, Пауль, никогда в разговорах не посочувствовал загонщикам, их как будто и не было во время охоты...

Нет худа без добра, как говорится. Именно соучастие в охоте, навсегда поставило крест на более чем двухлетних притязаниях и издевательствах к нашей семье, со стороны бандита-старосты.

ВАСИЛИЙ ГУРКОВСКИЙ

МУКАМАЛ

(БЫЛЬ)

Эта подлинная история девушки-казашки, потерявшей родителей в непростые предвоенные годы и чеченского мальчика, которого спасли от смерти простые женщины, во время депортации чеченцев в зиму 1944 года.

Сложная история со счастливым концом. Она - как свидетельство того, насколько сильно в мире присутствие и влияние человеческого Добра, благодаря которому люди преодолевали любые невзгоды. Пример настоящей сердечной доброты, а не популяризированной «толерантности».

Глава первая.

Они налетели на аул с трех сторон одновременно. Две пароконных повозки, одна арба и двое верховых. На каждой повозке, кроме ездового, еще по вооруженному человеку. Окружили оставшиеся от когда-то большого аула, две землянки. Один из верховых, по-видимому, старший, подъехал к землянке побольше и, не слезая с коня, громко, начал звать хозяина. Вышла молодая женщина, с девочкой 5-6 лет, спросила – что им надо. Она сразу узнала верхового, он был из аула, где она родилась и жила. Звали его Сакен. Был на несколько лет старше Салтанат (так звали женщину) и даже одно время, имел на неё определенные виды, надеясь жениться. Отец Салтанат, до революции, был довольно зажиточным хозяином, и чтобы с ним породниться, необходимо было приготовить солидный калым. Сакен такими возможностями не обладал, его семья жила в ауле обособленно, люди их не любили по причине того, что основным источником жизни той семьи, всегда было воровство – лошадей, верблюдов, телят, овец и т.п.. Во все времена и при всех режимах.

После революции, Сакен, со своими двумя братьями, каким-то образом попал в красногвардейский отряд, воевал с белыми, отходившими в Китай, а после окончания гражданской войны, сумел пристроиться где-то в волости, на выгодную должность. Занимался «экспроприацией» местных богачей, не забывая при этом и себя...

Отец Салтанат, в результате боевых действий и налетов с разных сторон, остался практически ни с чем, и, чувствуя, что лучшего уже ждать вряд ли придется, – выдал единственную дочь за своего верного и преданного пастуха, Аманжола, подарил им в горах небольшой аул, несколько голов разных животных и вскоре – ушел из жизни... Салтанат и Аманжол начали строить свою семью. Много работали, надеялись выйти в люди.... В 1924 году, у них появилась маленькая Айсу. Салтанат с мужем в ней души не чаяли, растили, лечили. У Айсу первые пять лет были проблемы с

речью, а так девочка росла здоровой, красивой и уже начала помогать маме по хозяйству. Но тут пришло время «коллективизации». Крепких, настоящих, хозяев быстро и без всяких разбирательств, приравнивали к «кулакам», считали врагами советской власти и, естественно, народа. И вот, давно затаивший злобу «уполномоченный» Сакен, приехал к ним в аул и, размахивая какой-то бумагой, заявил, что они приехали именем советской власти наводить справедливость, то есть забрать то, что они награбили у бедного трудового народа...

«Реквизиторы» приехали к заходу солнца специально, зная, что хозяин к ночи пригонит скот домой, днем его трудно будет найти, а вечером – сам придет им в руки.

Так и вышло. Не успел Аманжол пригнать с пастбища скот и загнать его в загородь, и его, и животных, окружили вооруженные люди. Сакен, зачитал ему решение какой-то чрезвычайной комиссии, что все их имущество, скот и хозяйственный инвентарь, изымается и переходит в собственность государства, а они сами могут быть пока свободны и идти на все четыре стороны.

«Сакен! Мы же с тобой были в одном отряде, ты был у меня в эскадроне, вместе сколько прошли, за нынешнюю власть воевали, а ты меня за врага считаешь!?» – взорвался Аманжол. «Да, считаю тебя за врага, байский ты прихвостень!» – завопил Сакен. Аманжол бросился к нему, но не добежал несколько метров. Кто-то из приезжих чекистов поспешно выстрелил ему в спину, и он неуклюже уткнулся головой прямо под копыта коня Сакена...

Все это произошло на глазах Салтанат и её маленькой дочки. Салтанат всхлипнула и без чувств упала навзничь. Очнулась она, когда было уже совсем темно. Рядом догорали две землянки и веточная загородь, а в ногах свернулась клубочком её Айсу..., вся заплаканная и вывалянная в песке... Никого нигде не было, Салтанат, в каком-то счастливом беспамятстве, схватила дочь в обнимку, посидела на земле несколько минут, а потом побежала к тому месту, где упал Аманжол. Его там не было. Те бандиты или забрали его с собой или, скорее всего, бросили в одну из горящих землянок. Просидев на пепелище до утра, Салтанат снова обошла всю территорию бывшего их аула, но никого не нашла, да и ничего – тоже.

Маленький домик пострадал меньше, Салтанат, подобрала там кое-что из вещей и домашней утвари, связала это все в платок, набрала в бурдюк воды из родника, взяла за руку Айсу и пошла в сторону соседней области, там жила когда-то двоюродная сестра её покойной матери...

По дороге иногда попадались и аулы, и отдельные юрты. Степная почта разнесла по волостям то, что случилось с семьей Аманжолы. Люди помогали Салтанат, чем могли, кормили, поили, лечили и все советовали поскорее покинуть эти места, потому что от Сакена можно ожидать всего, чего угодно, и он её с дочкой в покое не оставит, пока не найдет.

Глава вторая.

После почти двухмесячных мытарств, Салтанат, наконец, добралась до села, где жила сестра матери. Но той дома не оказалось. Недалеко от тех мест начиналась разработка новых угольных месторождений. Сын маминой сестры где-то в городе выучился на горного мастера, был направлен на работу в шахту. Там получил жильё и взял к себе из села одинокую мать. Теперь она живет у него, а её дом закрыт. Тетя сказала соседям, если кому-то из близких понадобится жильё – пусть живут, сколько надо, то есть до тех пор, пока она вернется. Поэтому, Салтанат может поселиться в доме тети и спокойно там жить. Так Салтанат и поселилась в том селе, в то время - центре волости.

Прибравшись в тетином доме, помывшись и отоспавшись, Салтанат взяла дочку и пошла в сторону местного рынка, чтобы выменять на вещи какой-то еды и узнать, как можно найти какую-нибудь работу. У входа на рынок было что-то похожее на чайхану. Там было тепло и пахло чем-то вкусным. Салтанат с дочкой зашли туда. Денег не было, просить что-нибудь было стыдно. Погрелись. Буфетчица угостила их чаем. Салтанат расслабилась и попросила буфетчицу – пусть девочка побудет здесь, пока она походит по рынку, узнает, что, где и как...Недолго. Айсу заснула. Буфетчица занялась посетителями. Шум голосов разбудил девочку, она встала, поискала глазами маму, не нашла, потихоньку вышла на улицу и Ушла...

Через некоторое время, Салтанат вернулась – девочки нет. Смущенная буфетчица что-то там объясняла своей занятостью, но девочки в чайхане не было. И никто ничего не видел и не знает.... Салтанат метнулась на рынок, обошла все лотки, осмотрела все закоулки, опросила всех, кого было можно – ничего. К вечеру, в отчаянии, вернулась домой. На второй день ходила по улицам, обращалась в сельсовет – все бесполезно. Айсу пропала. Пропала среди белого дня, и это было самое страшное и необъяснимое....Что делать? Куда и к кому обращаться и это в то время, в конце двадцатых годов...!!!

А Айсу, вначале шла по улице, искала маму, прошла через все небольшое село, и пошла по дороге дальше, ничего практически перед собой не видя, слезы заливали глаза. Почти впритык к селу, откуда она вышла, начиналось другое село, такое небольшое, в одну улицу, но с отдельным названием и своими жителями. На подходе к этому селу, девочку нагнала повозка. Почтальон вез почту в уездный город, до которого было несколько десятков километров. Он посадил плачущую девочку на повозку, попытался выяснить - откуда она, как зовут, кто и где её родители. Напоил её водой, дал кусочек лепешки. Она успокоилась, но ничего в ответ сказать не могла.

Почтальон, не раздумывая особо, завез девочку в уездное отделение милиции и там оставил – пусть разбираются.

В уездном отделе милиции, было что-то на подобии детской комнаты или приемника -распределителя для беспризорных и потерявшихся детей. Туда и определили на время Айсу. Заведовала той комнатой немолодая уже женщина, с необычным для казашки, именем- Мукамал. Так как выяснить имя-фамилию девочки было невозможно, заведующая записала её под своим именем - тоже – Мукамал. Данный уезд был официально приписан к Омскому детскому приюту. Но, чтобы отправить девочку в Омск, необходимо было набрать группу, хотя бы из нескольких детей, а их-то как раз в тот момент и не было. Айсу жила в детской комнате, её кормили, иногда заведующая брала её к себе домой, у неё было своих трое детей, но девочка скучала по маме и часто целыми днями плакала. Кроме заведующей ни к кому не шла, да и поговорить с ней толком никто так и не мог -она просто молчала, и все. Никто её не искал и никаких новостей про её родителей в отдел не поступало.

Так продолжалось где-то больше половины месяца. Женщина, работающая уборщицей в отделе, попросила отдать ей девочку. Детей у неё не было, жильем была обеспечена, претендентов на удочерение больше не находилось, поэтому Айсу перешла жить к той женщине. Оформили соответствующие документы по тем временам и уездным возможностям, чтобы все было по закону и у девочки появилась новая мама . Фамилию ей присвоили от новой матери, а имя оставили –Мукамал.

Женщина, которая удочерила Мукамал, была не очень общительна, внешне угрюма и неприветлива, но родителей не выбирают. Более пятнадцати лет Айсу , под именем Мукамал, прожила в доме новой матери. Научилась постепенно говорить, окончила школу-семилетку, курсы медицинских сестер, хотела идти учиться дальше, но мать не разрешила - и так жить было не на что, а с учебой станет еще тяжелее. Девушка пошла на работу, познакомилась с хорошим парнем , они уже решили пожениться, но все их планы перечеркнула –Война....Шел страшный для нашей страны, 1941год. Жениха сразу призвали в армию и отправили на фронт. Осенью его родители получили похоронку. Погиб под Москвой. Все бы ничего, но Айсу-Мукамал проводила его на фронт, уже будучи беременной и к концу того же, 41-го года, родила мальчика...Назвала его в честь отца –Ермеком...

Сразу начались проблемы, и на работе, и дома. Больница, в которой работала Мукамал, была переоборудована в военный госпиталь и постоянно была переполнена. Работали через сутки. Ни о каких там декретных отпусках речь тогда не шла, да и не могла идти. Приемная мать тоже еще работала уборщицей, теперь уже в областном управлении милиции, в которое трансформировалось бывшее уездное управление. Людей кругом не хватало, война поставила под ружье практически всю страну. Маленький Ермек переходил из рук в руки, и Мукамал, и мать недосыпали, питались скудно, молока не было, пошли детские болезни, а за ними и ссоры в семье. Приемная мать открыто говорила Мукамал, что своим ребенком, она уничтожила их обоих и что надо что-то делать....А что было делать? Отдать ребенка в приют - так не возьмут при живой матери и бабушке...Что?!....